

Чи Чэн.

Как такое могло быть?

С этим миром что-то серьёзно не так? Он что, обязан преследовать одного лишь У Совэя и трепать ему нервы до самой смерти?

Его рука, державшая телефон, задрожала, и отсвет экрана сделал его лицо мертвенно-бледным. Ощущение полного абсурда и унижения накрыло его с головой.

Эта шутка зашла слишком далеко, чёрт возьми!

Первой реакцией У Совэя было закрыть страницу, удалить письмо, а затем выбросить телефон в окно съёмной квартиры на шестом этаже — сделать вид, будто ничего этого не происходило.

Но эта цифра, ярко-красная цифра с пятью нулями, снова и снова всплывала у него в голове.

Двести тысяч.

За один выпуск.

Он просидел без сна всю ночь.

Идти или не идти?

Разум вцепился ему в воротник и заорал: Беги! Держись от этого бедствия по имени Чи Чэн как можно дальше! Гордость важнее денег!

Но другой голос злорадно захихикал у него на ухе: Гордость? Да чего стоит твоя гордость? Поможет ли твоя гордость заплатить за аренду, которая истекает через три месяца? Поможет ли твоя гордость твоему батю выкурить на пару дешёвых вонючих сигарет меньше? Заставит ли твоя гордость Юэ Юэ хотя бы раз оглянуться на тебя?

Нет.

Он залез в интернет, чтобы навести справки о шоу «Сигнал влюбленных». Стоило только погуглить, как душа чуть в пятки не ушла.

Да какое это шоу на свиданиях? Это же чистой воды конвейер по производству звезд.

Любой из участников-незнакомцев, кто хоть немного пошумел в предыдущих сезонах, теперь превратился в интернет-знаменитость с миллионами подписчиков: они вели прямые трансляции, а рекламные контракты сыпались на них со всех сторон.

Деньги, слава, положение.

Все эти вещи, на которые он раньше плевал с высокой колокольни, теперь притягивали его, словно огромный магнит, захватив все его мысли.

Он вспомнил объявление с требованием срочно заплатить за аренду, которое хозяйка квартиры вчера приклеила на дверь, — восклицательных знаков там было столько, что они походили на забор.

— Мать твою!

У Совэй ударил кулаком по столу.

— Иду! Вашу мать, иду!

Подумаешь, театр! Кто не умеет играть! Он прожил уже больше двадцати лет, изо дня в день притворяясь нормальным человеком, так что и в этот раз не пропадет.

Он схватил телефон и тут же позвонил Цзян Сяошуаю.

Телефон долго звонил, прежде чем на том конце послышался сонливый ропот Сяошуая, которого только что вытащили из глубокого сна:

— Предок, ты на время смотрел?..

— Сяошуай! ЧП космического масштаба! — голос У Совэй изрядно изменился от волнения.

— Что у тебя на сей раз? Тебя хозяйка квартиры зажарила?

— Я видел список участников! Из «Сигнала влюбленных»!

— О? И кто там? Есть красотки неземные, чтобы глаза порадовать? — Цзян Сяошуай явно ещё не до конца проснулся.

У Совэй глубоко вздохнул и процедил сквозь зубы два слова:

— Чи... Чэн.

На том конце провода воцарилась абсолютная тишина.

Прошло добрых секунд десять, прежде чем голос Цзян Сяошуаи зазвучал снова — теперь уже бодрый до предела и пропитанный пороховым дымом:

— Какой Чи? Какой Чэн?

— А какой ещё Чи Чэн может быть! Тот самый ублюдок!

— Твою мать!

Цзян Сяошуай тоже выругался. — Да что за херня творится! И какого чёрта ты тогда собрался туда идти? Быстро отменяй всё! Не нужны нам эти деньги! Жизнь дороже!

— Нет, — коротко и отрезал У Совэй. — Я всё равно пойду.

— Ты рехнулся?

— Я в своём уме!

У Совэй вцепился в телефон мёртвой хваткой, словно утопающий за соломинку. — Сяошуай, я один не справлюсь. Ты должен пойти со мной.

В трубке слышалось изумлённое «А?».

— Ты же тоже подавал заявку! Составишь мне компанию, считай, поездка за казённый счёт! Делить радости и невзгоды вместе! — У Совэй принялся бессовестно настаивать на своём.

— Я подавал только для того, чтобы тебе массовку создать! Кто в здравом уме захочет идти и кривляться перед толпой манипуляторов?

Цзян Сяошуай упирался всеми силами. — К тому же, раз там этот психопат Чи Чэн, ты что, надеешься нормально посниматься? Он же тебя живьём закопает!

— Если он может играть со мной, почему я не могу сыграть с ним?

У Совэй холодно усмехнулся. — Сяошуай, это мой единственный шанс. Я больше не хочу жить этой полумёртвой жизнью. Помоги мне, всего один раз.

На том конце снова воцарилось молчание. У Совэй живо представил, как Сяошуай сейчас треплет себя за волосы в страшных сомнениях.

— Если ты не согласишься...

У Совэй пустил в ход тяжёлую артиллерию, и в его голосе послышались слёзы — те самые всхлипы человека, от которого отвернулся весь мир. — То я... я правда не знаю, что мне делать...

— Ладно-ладно! Сдаюсь я перед тобой! Твоя взяла!

Цзян Сяошуай терпеть не мог, когда тот пускал в ход этот приём. — Пойду! Пойду я, доволен? Точно я в прошлой жизни тебе задолжал!

Разобравшись с единственным напарником, У Совэй сразу почувствовал почву под ногами.

Они тут же принялись за дело, лихорадочно дорабатывая дополнительные материалы по требованиям продюсеров шоу.

На фотографии У Совэй красовался с огромными синяками под глазами после бессонной ночи за мольбертом, с волосами, торчащими во все стороны, как птичье гнездо, и в застиранной до желтизны старой футболке. На заднем фоне угадывалась его съёмная конура, заваленная художественными принадлежностями и баночками из-под лапши быстрого приготовления.

Живое воплощение нищеты, убожества и тоски.

— Шедевр.

Цзян Сяошуай разглядывал снимок, цыкая языком от удивления. — Кто не знает, подумает, что ты только что со стройки приплёлся, да ещё и зарплату зажали.

— Этого я и добивался.

У Совэй остался крайне доволен своим фото в амплуа жертвы военных действий. — Это называется реализмом, усек? Надлом, драматизм.

Пару дней спустя им пришло приглашение на кастинг. Место действия — пятизвёздочный отель в самом центре города.

У Совэй специально откопал свою самую приличную рубашку, купленную ещё в институте, у которой манжеты уже успели протереться до бахромы.

Интервьюерами оказались несколько на вид весьма прожжённых мужчин и женщин, а в самом центре сидела, судя по всему, главный режиссёр-постановщик — деловая женщина с короткой стрижкой.

— У Совэй? — режиссёр заглянула в досье и подняла на него взгляд.

— Д-да.

У Совэй опустил голову, судорожно вцепившись пальцами в край одежды, и слегка заикался — вылитый портрет забитого деревенского паренька, впервые выбравшегося в свет.

— Я видела твои рисунки, в них есть искра.

Дежурно похвалив его, режиссёр резко сменила тон: — Почему ты захотел принять участие в нашем шоу?

Началось. Классический вопрос.

У Совэй был к нему готов: он поднял глаза, и в них плескалась чистая, чуть испуганная наивность травоядного животного, застигнутого врасплох:

— Я... я хочу... заработать денег.

Режиссёр чуть приподняла брови и слегка подалась вперед, явно заинтригованная столь прямолинейным ответом.

— М-моя девушка бросила меня именно потому, что я слишком беден.

Произнеся это, У Совэй со злости ущипнул себя за бедро под столом, и глаза его мгновенно покраснели. — Я хочу доказать ей, что я... я не ничтожество.

С таким талантом перевоплощения грех было не поступать в киноакадемию. Сидевший рядом Цзян Сяошуай едва сдержал смешок и тут же уткнулся носом в ладонь, делая вид, что закашлялся.

Глаза режиссёра загорелись окончательно.

Нищета, простота, неискuschenность и при этом лёгкий налет надлома от суровой жизненной прозы.

Миловидная внешность в сочетании с повадками испуганного крольчонка.

Такой яркий контракт — просто находка для телекамер!

Появись такой персонаж на шоу, он гарантированно вызовет у зрителей бурю материнских чувств и жалости.

— Вы только не судите его строго.

Цзян Сяошуай вовремя вмешался, заслонив У Совэя собой, словно наседка цыпленка, и обратился к режиссёру:

— Мой друг просто слишком честный, его совсем заездили. Мы пришли сюда не ради чего-то другого, а чтобы восстановить справедливость!

Эта его тирада, полная бурного стремления защитить товарища, окончательно привела режиссёра в восторг.

Братские узы, защита, стремительный взлет — разве не за это зрители любят шоу больше всего?

Собеседование прошло на удивление гладко. Выйдя из отеля, У Совэй чувствовал, что ноги стали ватными, а спина покрылась холодным потом.

Играть на камеру, чёрт возьми, оказалось куда утомительнее, чем рисовать по ночам.

Еще через пару дней письмо с извещением об успешном прохождении отбора и официальный электронный контракт упали к нему в почтовый ящик.

У Совэй от восторга чуть не подпрыгнул со стула. Он раз десять перечитал договор от корки до корки, особенно графу с гонораром, где черным по белому значилось: «Двести тысяч юаней ровно за выпуск». Ему так и хотелось взять лупу, чтобы вплавить каждый штрих этих иероглифов себе в мозг.

Он разбогател! Он действительно разбогател!

До того момента, как участники должны были официально заселиться в «Дом влюбленных», оставалось ещё несколько дней на подготовку. У Совэй пустился во все тяжкие.

Он вытащил из закровов все шоу о свиданиях, которые только смог отыскать на просторах интернета, усадил Цзян Сяошуай и принялся строчить конспекты с усердием студента перед вступительными экзаменами.

— Глянь на этого гостя. Слишком суетится, дарит подарки уже на второй день — сплошная фальшь и липкость, — У Совэй ткнул пальцем в экран с абсолютно серьёзным лицом.

— А этот? Уровень мастерства нулевой, признается в любви в первом же эпизоде, и главная героиня тут же вручает ему карточку «ты хороший парень». Круглый идиот.

— А вот этот хорош...

Он указал на парня, который почти не раскрывал рта за всё время, но при этом неизменно приковывал к себе взгляды первой красавицы. — Никаких лишних телодвижений, забирает всё за счёт внимания к деталям и атмосферы. Игрок высшей лиги.

В конце концов, сообразуясь с собственными реалиями, он вывел для себя три незыблемых правила и записал их на форзаце тетради.

Принцип «трёх нет»: не проявлять инициативу, не отказываться, ни за что не нести ответственность.

Всё было готово.

В назначенный день чёрный минивэн ровно в срок припарковался у обшарпанной многоэтажки У Совэя, резко контрастируя с серым и унылым окружением.

Цзян Сяошуай помог закинуть в багажник побитый чемодан с отвалившимся колесом, а затем развернулся и крепко хлопнул друга по плечу.

— Готов к выходу на арену Колизея?

У Совэй посмотрел на своё отражение в стекле автомобиля: измученное лицо, но в глазах полыхает огонь.

Глубоко вздохнув, он распахнул дверцу и забрался внутрь.

— Поехали. Идти делать деньги.

<http://bllate.org/book/19431/1903205>